

«ОБЩЕСТВО БЕЗ ШКОЛ?»

Перечитывая Паулу Фрейре и Ивана Иллича

Александр Асмолов, Александр Адамский, Павел Лукша, Исак Фрумин, Виктор Басюк, Елена Казакова, Александр Бермус

АННОТАЦИЯ В статье представлены фрагменты экспертной дискуссии, состоявшейся на одном из заседаний академического клуба «Норма и деятельность». Тема семинара звучала так: «Общество без школ?». Павел Лукша, профессор практики Московской школы управления СКОЛКОВО, представил доклад, посвященный книгам «Освобождение общества от школ» Ивана Иллича и «Педагогика угнетенных» Паулу Фрейре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Паулу Фрейре, Иван Иллич, педагогика угнетенных, критическая педагогика, образовательные институты, преадаптивное развитие, неомарксизм, критическое сознание, антирепрессивное образование.

DOI 10.22394/2078-838X-2021-3-14-23

Логика свободы и логика репрессий

Александр Григорьевич АСМОЛОВ

д. псих. н., профессор,
директор Школы
антропологии будущего
РАНХиГС

В университетах это бывает чаще и эффективнее, а вот в школах идеи как бы существуют сами по себе, а система сама по себе. Мне кажется, что мы сегодня присутствуем при попытке обсуждения новых институтов, в появлении которых огромную роль сыграла «цифра». Она вносит принципиальные изменения в институциональную деятельность.

Александр Асмолов. Цифровая трансформация делает фантастические вещи реальностью. И в этой ситуации то, что нам будет сегодня предложено, невероятно важно, потому что эти построения касаются и образования без школ, и репрессивной педагогики. Эти логики идеологически связаны друг с другом. Нам важно сегодня не только увидеть, почему эти линии значимы и важны, но и почувствовать за ними определенные идеологические истоки.

В нашей педагогике есть линия графа Уварова, а есть линия Чаадаева. Приверженцы одной линии считают необходимым полностью погасить разноеобразие. Приверженцы другой презирают тех, кто говорит, что патриот — это человек, который не может и не имеет права задавать вопросов и по-иному видеть мир. Обе линии, мне кажется, ценностно прорастают в книгах, которые мы будем обсуждать сегодня.

Александр Адамский. Я сторонник институтов и считаю, что школа как институт является ключевой основой деятельности. К сожалению, педагогические идеи очень слабо проникают в системы образования. И если идеи еще могут породить деятельности, то деятельности слабо порождают нормы, по которым строятся системы и структуры деятельности организаций.

Александр Изотович АДАМСКИЙ

к. пед. н., доктор философии,
профессор, ректор Института
проблем образовательной
политики «Эврика»

Образование похоже на банк

Павел Олегович ЛУКША

основатель инициативы «Глобальное будущее образования» (Global Education Futures), профессор практики Московской школы управления СКОЛКОВО

Павел Лукша. Я давно испытывал потребность воссоздать некую библиотеку ключевых авторов, определяющих педагогическую мысль XXI века, и организовать своего рода клуб чтения, распространить практику прочтения классиков на страну, вовлекая в нее учительское сообщество. Для меня очередное прочтение Фрейре и Иллича оказалось повторением без повторения — я совершил потрясающее количество открытий. Одновременно я осознал, что эти книги очень точно соответствуют текущему моменту времени. Нам необходим поиск неконцентрированной модели педагогики, и я вижу в работах Фрейре и Иллича попытки предложить именно такую систему.

Мне кажется, и Иллич, и Фрейре в России неизвестны. При этом книга Фрейре — третья в мире по цитируемости в социальных науках в целом. Она невероятно влиятельна.

Труды Иллича и Фрейре вышли в свет в конце 60-х — начале 70-х годов XX века, когда Латинская Америка, Африка, Юго-Восточная Азия переживали ренессанс марксизма, когда у молодого поколения был запрос на переосмысление образовательных систем в сторону социальной справедливости. Обе книги попали в нерв.

Фрейре родился в семье среднего достатка, но из-за Великой депрессии очень рано столкнулся с бедностью. Он прочувствовал на себе, как средовые

ограничения не позволяют человеку развиваться. Потом ему повезло из этого выскочить, и он решил посвятить жизнь созданию решений для несправедливо обделенных.

Фрейре верил в систему. Он служил долгое время чиновником, был региональным министром образования в Сан-Паулу. И всю жизнь он создавал системные решения, институциональные. Фрейре было важно работать с обучением взрослых людей. Для них он создавал методики очень эффективного, быстрого обучения грамотности.

Иллич родился в глубоко католической семье и еще в детстве решил стать священником. Это решение он реализовал достаточно быстро, хотя делал и светскую карьеру. Его мировоззрение не позволило ему принять то, чем католическая церковь стала после войны. Он начал очень остро критиковать все практики сращивания церкви и государства, коррупцию. Достаточно быстро он вошел в оппозицию.

У него было много покровителей внутри церкви, поэтому его не изгнали полностью; он стал точкой несистемного развития церкви — за счет создания свободно-го университета католических интеллектуалов.

Важно, что он глядел с позиции священника и критиковал скорее, как средневековый теолог критиковал бы современные институты общества. В определенной точке Иллич с Фрейре сошлись и стали очень близкими друзьями. Когда Фрейре грозил расстрел, именно Иллич спас его от репрессий.

«Педагогика угнетенных» суммировала работу, которую Фрейре вел на протяжении 15-20 лет.

Фрейре стартует с того, что в современном обществе существует проблема угнетения. То есть люди стремятся реализовать себя, но в силу того, как

Паулу Фрейре (1921–1997)

Психолог-педагог,
теоретик педагогики. Его самая

известная книга — «Педагогика угнетенных», один из основополагающих текстов критической педагогики. Впервые была издана в 1968 году.

Иван Иллич (1926–2002)

Богослов, педагог,
философ, социальный критик. Придерживался

левых взглядов. Изложил свою критику современного образования в книге «Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир» (1971 г.).

работают социальные институты и системы власти, этот процесс для многих в какой-то момент прерывается. Субъект превращается в объект, его заставляют делать то, что он не хочет делать. Он сталкивается с несправедливостью, эксплуатацией, угнетением и даже не понимает этого.

Угнетаемые находятся внутри системы, мыслят ее категориями и даже не понимают, что их угнетают. Чтобы что-то поменять, им нужно понять, что они находятся в несправедливой системе. Выйти из этой ситуации, пытаясь просто уничтожить угнетателей, невозможно. Из-за этого, мне кажется, Фрейре и не полюбили в Советском Союзе. Он четко показывает: уничтожение угнетателей воспроизводит новую систему угнетения. Он говорит: надо убирать сам фактор угнетающих отношений. И это возможно, если мы запускаем подлинный диалог угнетенных и угнетателей.

Все это может звучать очень марксистски, как бы из прошлого. И я специально хочу рассказать об опросе, который ВЦИОМ провел в

ПОДЛИННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ПО ФРЕЙРЕ, ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО В ДИАЛОГЕ, КОТОРЫЙ СТРОИТСЯ НА ЛЮБВИ

как мы можем перенести тему пятидесятилетней давности на абсолютно предметную сегодняшнюю почву. Системное насилие пронизывает наше общество насквозь.

Фрейре говорит о том, что современное образование похоже на банк: учитель вкладывает знания в ученика, тот соглашается, запоминает и воспроизводит. И Фрейре говорит, что как только ученик попадает в эту систему отношений, он тут же оказывается в ситуации дегуманизации. По Фрейре, угнетение начинается, когда ребенок попадает в школу и сталкивается с ее правилами игры. Подлинное образование, по Фрейре, возможно только в диалоге, который строится на любви, скромности и вере.

России в 2021 году. Результаты этого опроса говорят о том, что более 30 % женщин в нашей стране не согласны с утверждением, будто мужчине, неуважительно относящемуся к матери его ребенка, нельзя назвать хорошим отцом.

Эти женщины находятся в позиции угнетенных и принимают системное насилие. Это один из примеров того,

Угнетенные должны объединяться

Павел Лукша. Фрейре жил в Бразилии, где присутствует много коренных культур. Он видел, как их угнетают и подчиняют, ставят их в ситуацию, когда диалог угнетенных между собой невозможен, направляют их внимание на что угодно, кроме ситуации несправедливости.

Угнетенные должны, опираясь на сострадание, любовь и поддержку, объединяться, но не ради убийства угнетающих, а ради изменения ситуации.

В 2021 году мы с вами, друзья, живем в стране, которая по степени неравенства занимает самое высокое место в мире. Это не обсуждается нигде и никем. Повестка — это проигрыш в Чемпионате мира по футболу, это появление ЛГБТ-семьи в рекламе торговой сети. Это навязанные ситуации, отвлекающие внимание.

Фрейре говорит, что диалог — единственная форма общения, в которой отсутствует подавление одного человека другим. Мне кажется, это главный посыл его работ. Это именно та педагогика, к которой мы можем стремиться.

С одной стороны, Фрейре в своей книге постоянно использует слово «освобождение» в марксистском смысле, с другой — в смысле почти буддистском. В итоге он говорит, что для подлинного освобождения от угнетения мы должны осознавать как устроен мир, развивать свою способность взаимодействия с реальностью и позитивно влиять на нее.

Иллич говорит, что в современном обществе нас окружают упакованные институты и субинституты, заменяющие собой подлинную жизнь, и мы к ним привыкли за много десятилетий, но уже сомневаемся в них.

Если Фрейре смотрит на отношения «учитель — ученик», то Иллич смотрит на школу, как на систему, в которой ученики потребляют упакованное знание и постепенно теряют подлинный контакт с жизнью.

Иллич говорит, что школа предлагает обществу новую религию надежды: хорошо учись — и будешь успешным. Эта надежда для многих оказывается ложной. Также он говорит, что система образования производит товар и навязывает его ученикам. У них нет выбора. Молодые люди готовы подчиниться любому внешнему планированию.

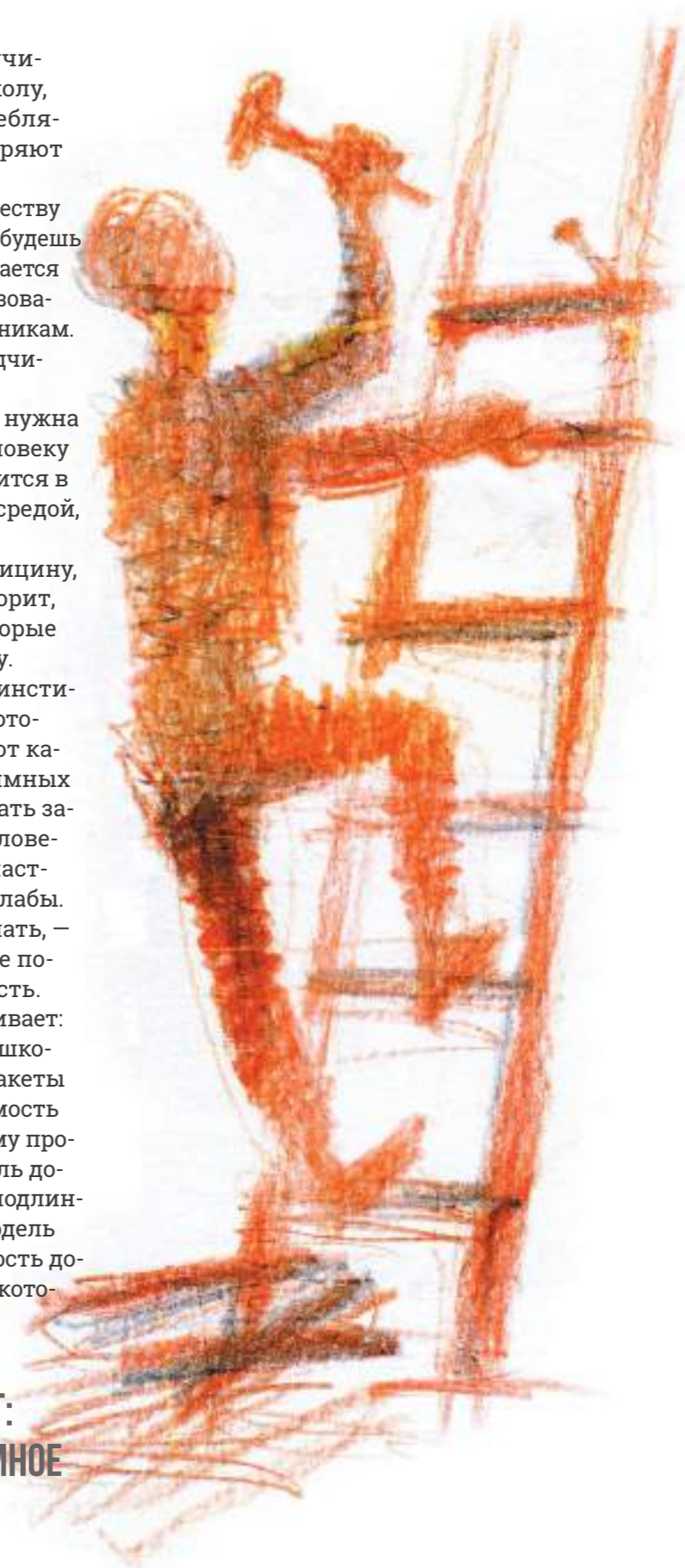
Иллич поднимает вопрос: зачем вообще нужна школа? Способность учиться присуща человеку изначально, принадлежит ему. Она находится в самом человеке, и он, взаимодействуя со средой, может эту способность реализовывать.

С одной стороны, Иллич критикует медицину, школу, технологические корпорации, говорит, что это манипулятивные институты, которые не интересуются тем, что нужно человеку.

С другой стороны, Иллич признает, что институты нужны — правильные институты, которые поддерживают общинность, улучшают качество жизни. Например, общества анонимных алкоголиков помогают людям преодолеть зависимость. Эти институты позволяют человеку выбирать, участвовать в них или не участвовать. Но многие подобные институты слабы. Единственное, что мы можем с этим сделать, — научиться создавать технологии, которые помогут нам вернуть сообщество, общинность.

Иллич смотрит на образование и спрашивает: а что у нас есть? У нас есть традиционная школа, вкладывающая в детей стандартные пакеты знаний. Технологии увеличивают зависимость учащихся от этих пакетов. Что можно этому противопоставить? Совершенно другую модель доступа к знанию, которая строится вокруг подлинного интереса и запроса учащегося. Это модель образовательных сетей, дающих возможность доступа к владельцам навыков или знаний, которые по запросу учат тому, что нужно.

СЕЙЧАС ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВЫБИРАЕТ: СИСТЕМНАЯ СВОБОДА ИЛИ СИСТЕМНОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ?

Новая справедливость

Павел Лукша. Мы должны понять, что дело не только в содержании программ или в форматах, дело в системе отношений внутри образовательных институтов. И Фрейре, и Иллич подчеркивают: ни учителя, ни ученики не понимают, что с ними происходит. Поэтому Фрейре говорит о необходимости развития сознания. Сам язык, по Илличу, является одним из способов подчинения манипуляциям. Он не позволяет увидеть то, что на самом деле происходит. А путь освобождения состоит в том, чтобы увидеть ситуацию и запустить системные изменения. А они требуют иной педагогики и иных систем поддержки обучения и познания.

В 2021 году мы вдруг обнаруживаем вокруг себя невероятный уровень неравенства. Поэтому тексты левых авторов того времени, в том числе радикальных, типа Ленина и Троцкого, сейчас читаются очень свежо.

Борьба за новую справедливость, если вы видите, какие лозунги взмывают над Капитолием в США, это, честно говоря, повестка 2020-х. И она не только про бедность, она про инклюзию,

про расовое и гендерное неравенство и многое-многое другое. При этом cancel culture – это ровно то, от чего Фрейре предостерегал: угнетенные начинают воспроизводить институты угнетения, свержая угнетателей. Именно это нужно преодолевать диалогом. Я думаю, в 2020–2030-е годы с этим будут работать во всем мире. Я думаю, и мы в России не сможем избежать этого вопроса. И, возможно, педагогика должна поставить этот вопрос прямо сейчас и заниматься им. Нельзя прятаться от него, потому что он является одним из самых болезненных для России.

Еще раз о том, почему тексты Фрейре и Иллича крайне важны. Потому что сейчас человечество выбирает: системная свобода или системное порабощение? Педагогика не может находиться в стороне от этих процессов. Выбор во многом зависит от того, насколько не критично люди воспринимают манипуляции, подчинение и свою внутреннюю несвободу. И поэтому мне кажется, что если сейчас мы не ставим задачи освобождения, создания ученикоориентированных систем, то отказываемся делать ставку на будущее.

Школа выравнивания

Исаак Давидович ФРУМИН

д. пед. н., научный руководитель Института образования НИУ ВШЭ

Исаак Фрумин. Иллич и Фрейре действительно по-новому посмотрели на школу. Их работы не могли появиться вне контекста неомарксистских работ и в целом критического направления мировой социальной науки. Иллич переживает по поводу самых острых язв социального неравенства, по поводу бедности.

Надо признать, что в XXI веке популярность критической педагогики стала снижаться. В том числе и потому, что были достигнуты огромные успехи. Эта педагогическая линия проникла в школы и ведущие университеты мира и сыграла колоссальную роль в преодолении феноменов неравенства. Пусть педагогика угнетенных в том смысле, о котором писал Фрейре, полностью не реализовалась, но мы, безусловно, видим сейчас совершенно другой уровень толерантности по отношению к угнетенным до этого меньшинствам. Мы видим сознательное отношение к социальному неравенству и к социальной мобильности как к проблеме.

И в этом заключается колоссальная заслуга Фрейре и Иллича. В Великобритании, в Германии, в Австралии, в Испании важнейшей

заботой почти каждого директора массовой школы является помощь детям из социально слабых, культурно депривированных групп, детям, испытывающим эффект стеклянного потолка, когда возможность как будто бы есть, а на самом деле ее нет. В их рейтинге озабоченности из 10 пунктов социальная мобильность находится на втором месте после безопасности. У российских директоров она находится на 10 месте.

Вспомним, что советская школа была школой победившего равенства, или, если угодно, насильственного выравнивания. Именно большевики были проводниками положительной дискриминации. И поэтому в нашей педагогической культуре не сформировалось как раз «этого чутья, этого внимания к крестьянским детям», которое было у Толстого, замечу. Оно позволяло бы нам быть настолько же чувствительными, как наши западные коллеги. Потому

что мы привыкли, что равенство обеспечено системой. И в этом смысле тексты Иллича и Фрейре очень актуальны.

Фрейре придавал исключительную важность государственным школам. Он был горячим противником частного образования и сторонником общедоступного образования. Но он считал, и это важно, что освобождающий потенциал состоит в осознанном, в том, что человек понимает. У нас социологи обнаружили, что дети из малообеспеченных и культурно депривированных семей не видят социальных барьеров. Они не понимают, что у них есть дефициты по сравнению с более обеспеченными сверстниками.

Конечно, в этих работах мне страшно не хватает возрастной психологии. Они написаны так, будто бы речь идет не о детях, а о взрослых людях.

Учитель как наставник

Виктор Степанович БАСЮК

д. псих. н., профессор РАО, декан педагогического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Виктор Басюк. Я думаю, если бы мы с вами организовали подобное обсуждение в 2018 году, не пережив пандемию, отношение к текстам было бы иным. Мы тогда не понимали важности дистанционного обучения и других технологий, которые существовали, но школами не использовались.

Мне не хватило психологических подходов в обсуждаемых сегодня текстах. Потому что в моем понимании все-таки школа – это в первую очередь социальный институт, который помогает социализироваться ребенку, вышедшему во внешний мир. Мне кажется, стандарты, которые мы сейчас имеем, гораздо прогрессивнее. В их основе лежит все-таки личностное развитие ребенка.

Иллич заявляет, что все дети желают учиться, но так ли это на самом деле? Сегодня основная задача начальных ступеней

«**Ч**тобы преvozмочь ситуацию угнетения, люди должны в первую очередь критически оценить ее причины, чтобы через преобразующие действия создать новую ситуацию, в которой станет возможным движение на пути к всеобъемлющей человечности»

Паулу Фрейре «Педагогика угнетенных»

обучения как раз заключается в формировании мотивации школьников.

На мой взгляд, конечно, достаточно современным является отношение Иллича к роли учителя. Он рассматривает учителя как

наставника, который не только дает знания, но и помогает определиться в жизни. Единственное, я бы, наверное, исходя из современных реалий, применял бы термин «посредничество».

Медленные профессии

**Елена Ивановна
КАЗАКОВА**

д. пед. н., директор Института педагогики СПбГУ, профессор кафедры педагогики, член-корреспондент РАО

Елена Казакова. Я буду утверждать, что чтение этих книг не очень актуально.

Первый тезис. Прочитую дословно Марка Латаша: «Способность к обучению является продуктом не эволюции, а скорее цивилизации». И отсюда следует вот эта странная польза института. Потому что целый ряд исследований показывает, что для человека очень важен его собственный опыт обучения и его социальное окружение, вне которого он не существует и не воспринимает этот мир. И, мне кажется, это очень важно.

Второй тезис. Мне кажется, что потенциал критической педагогики в некоторой степени себя исчерпал. Потому что в сегодняшнем российском обществе вызывает очень сильное отторжение, когда что-то критикуется, но не предлагается реального решения.

Третий тезис. Мы игнорируем одну очень важную функцию, которую несет сегодняшняя школа. Это функция, простите, социального присмотра. Сегодняшние дети не могут оказаться вне того или иного института, в том числе из соображений безопасности. Сегодняшняя семья не может одновременно и присматривать за своим ребенком, и учить его.

Я, наверное, с упорством, достойным лучшего применения, все время цитирую закон от 11 октября 2020 года, когда оба министерства совместным приказом разрешили трансфер

образовательных результатов и образовательных достижений. Мы с этого момента начали анализировать, сколько семей и педагогов готовы воспользоваться этой возможностью.

Оказалось, что только 2-3 % родителей готовы подхватить эту практику. И, конечно, она очень тяжело воспринимается нашими педагогами. В этом плане я бы хотела обратить внимание на крайнюю некомпетентность родителей. Мы за последние 20-30 лет «породили» родительство, которое обладает определенной агрессивной позицией, ощущением, что у него очень много прав, но очень плохо понимает свои обязанности. И, в частности, обязанность быть образованным, для того чтобы помочь стать образованным своему собственному ребенку.

Еще одна критическая тенденция, связанная со сложными и простыми культурами. Я, как большой фанат всего того, что делает Павел Лукша, очень часто рассказываю про быстрые смены профессий. Однако недавно я услышала от нескольких серьезных технологических корпораций: «Какая быстрая смена профессий? Нам, для того чтобы хоть чего-то достигнуть, надо как минимум 15-20 лет учить человека! У нас длинные профессии. У нас сложная культура, сложные знания. Они требуют очень серьезной подготовки. Частые смены, модульный подход, пошаговые движения разбиваются об эту профессиональную некомпетентность». И не учитывать этот тезис было бы достаточно странно.

Я хотела бы поддержать следующие тезисы, озвученные Павлом: «Наша абсолютизация стандартов не имеет никакого реального отношения к изменению педагогических практик» и «Современное онлайн-образование, которое строится в логике угнетенных, в логике, сфокусированной на учителе, а не на ученике как самообразующемся существе, обречено на провал».

Конвивиальность и «Пир»

**Александр Григорьевич
БЕРМУС**

д. пед. н., профессор, зав. кафедрой образования и педагогических наук Южного федерального университета

Александр Бермус. То, что было заявлено в качестве темы обсуждения, вполне логично укладывается в ту последовательность сюжетов и событий, которые мы наблюдаем. На первом этапе Ушинский ознаменовал собою зарю модерна, когда критиковался некий традиционный уклад, утверждался принцип научности. Второй этап — это зрелый модерн, это Выготский, это идея переосмысления классической науки и формирования нового корпуса текстов. И наконец, Иллич и Фрейре — это, конечно, этап завершения, когда сама наука, сами научные практики, сами модернистские практики государственного управления становятся тормозом для развития.

Каждая из критик Иллича формирует некий интеллектуальный запрос на переосмысление образовательной теории в частности и нашего

сознания в целом. В частности, критико-социальная система имплицитно сталкивается с вопросом о соотношении экспертного, научного и обыденного знания. Если мы говорим о высоком модерне, если мы говорим о Выготском, то здесь однозначно научное знание преобладает над обыденным.

Введенное Илличем понятие «конвивиальность» очень трудно переводится на русский язык. Дело в том, что в истории европейской культуры есть целое произведение, которое именно так и озаглавлено — «Convivio», что обычно переводится как «Пир». Вся европейская классическая философия начинается с «Пира», только уже не дантовского, а платоновского. Если мы сюда добавим «Тайную вечерю» как некий метафорический знак для основания христианской традиции, то поймем, что вопрошание Иллича затрагивает глубинные основы нашего европейского кода восприятия мира.

Также мне представляется важным возвращение к Выготскому, проблематизация натурального и инструментализации. Начиная с Выготского инструментализация и опосредствование выступают как однозначно позитивный факт, но Иллич ставит над этим знак вопроса.

Задача рождает орган

**Александр Григорьевич
АСМОЛОВ**

д. псих. н., профессор, директор Школы антропологии будущего РАНХиГС.

Александр Асмолов. Все-таки и Коменский, и Ушинский, и Выготский стояли на позициях

анализа образования от ребенка, от его ощущения мира. У Фрейре и Иллича нет ребенка, но есть некоторый социальный концепт, от которого разворачиваются те или иные суждения.

По поводу институционального анализа. Он предполагает, по меньшей мере, анализ и традиций, и регуляторов, и регулирующих норм. Вот анализ традиций мы встречаем и у Иллича, и у Фрейре, а анализ норм и регуляторов — нет. Хотя те страны, примеры из которых они описывают, имеют фиксации куррикулумов национальных учебных планов, стандартов. И

ИЛЛИЧ ГОВОРИТ, ЧТО ШКОЛА ПРЕДЛАГАЕТ ОБЩЕСТВУ НОВУЮ РЕЛИГИЮ НАДЕЖДЫ: ХОРОШО УЧИТЬСЯ — И БУДЕШЬ УСПЕШНЫМ

это та реальность, которую нельзя игнорировать. Если в эту сторону ничего не сказать, то единственная возможность изменить ситуацию — это просто сломать нормы и посмотреть, что вырастет.

В обеих работах обсуждается устройство общества, и людям это куда интереснее, чем анализировать институты. И с этой точки зрения данные работы имеют смысл, но мне кажется, что их следует обсуждать в широкой цепочке работ об изменении образования, где они занимают свое определенное место. Поэтому я бы их рассматривал как одно из мировоззрений, которое в целом дополняет мозаичную ситуацию представления об образовании.

Далее. Мы работаем, как говорил Андрей Вознесенский, в логике «миров и антимиров». Мне кажется важным то, что говорил Павел. Я цитирую его и хочу, чтобы он был услышан: «Обсуждение Иллича, обсуждение других подходов — это предложение не общих путей развития, а эволюционных вариантов». Ценностный дух этих вариантов передан в работе Эммануэля Левинаса, учителя Фрейре и Иллича. Эта книга называется «Время и другой. Гуманизм другого человека».

Бахтин, Бубер, Левинас... Без критической педагогики мы никуда не двинемся. Любой диалог — это уже критическое мышление и карнавал смены позиции. Исак Фрумин сказал очень важную вещь: «Советская школа была школой победившего равенства, или, если угодно, насильственного выравнивания».

Институты не поспевают за цивилизацией, мозг не поспевает за психикой, органы не успевают за задачами, задача рождает орган. То, что сегодня звучало благодаря рефлексии идей Иллича, это в буквальном смысле

доказательство того, что задача рождает орган и что преадаптация опережает институты. Сегодня для меня наш семинар — это триумф идей преадаптации, которые опережают существующие на данный момент актуальные нормы и морфологические структуры.

И поэтому наши авторы говорят нам: «Задумайтесь о сложности, задумайтесь о том, что в мире сложностей и разнообразия именно избыточность дает нам возможность преадаптивного развития мира». Поэтому здесь и сегодня мы говорим именно о сложном мире, идеи сложности культуры для нас важны.

Казалось бы, две обсуждаемые сегодня работы посвящены институтам. Можно ли относиться к их обсуждению с точки зрения институционального анализа? На мой взгляд, нет, но такого рода работы чрезвычайно полезны, мне кажется, по двум основаниям. Они задают проблематизацию и дух той нормы, на которой может строиться институт.

Мне кажется, мы должны избавиться от иллюзий, что интеллектуалы сегодня могут влиять на развитие системы образования как института. Интеллектуалы оказались отрезаны от нормирования и регулирования системы. Неизвестно, хорошо это или плохо. Пока мы не перережем пуповину, которая связывает нас с архаичными институтами, будут идти бесконечные дискуссии о стандартах. Мне кажется, что дальше нужно двигаться исходя из того, что интеллектуальное сообщество отрезано от развития той системы, которая существует.

«A SOCIETY WITHOUT SCHOOLS?» Rereading Paula Freire and Ivan Ilyich

Alexander G. ASMOLOV.

Doctor of Psychology, Professor, Director of the School of Anthropology of the Future of the RANEPА.

Alexander I. ADAMSKY.

Candidate of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Institute of Problems of Educational Policy «Eureka».

Pavel O. LUKSHA.

Founder of the Global Education Futures initiative, Professor of Practice at the Moscow School of Management SKOLKOVO.

Isak D. FROUMIN.

Doctor of Pedagogical Sciences, Scientific Director of the HSE Institute of Education.

Viktor S. BASYUK.

Doctor of Psychology, Professor, Dean of the Pedagogical Faculty of Lomonosov Moscow State University.

Alexander G. BERMUS.

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Education and Pedagogical Sciences of the Southern Federal University.

Elena I. KAZAKOVA.

Doctor of Pedagogical Sciences, Director of the Institute of Pedagogy of St. Petersburg State University, Professor of the Department of Pedagogy.

Abstract

The article presents fragments of an expert discussion held at one of the meetings of the academic club «Norm and Activity». The topic of the seminar was «A society without schools?». Pavel Luksha, Professor of Practice at the Moscow School of Management SKOLKOVO, presented a report on the books: «Deschooling Society» by Ivan Illich and «Pedagogy of the Oppressed» by Paulo Freire.

Keywords Paulo Freire, Ivan Ilyich, pedagogy of the oppressed, critical pedagogy, educational institutions, preadaptive development, neo-Marxism, critical consciousness, anti-repressive education.